

ПСАЛОМ 151 СЕПТУАГИНТЫ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И. С. ВЕВЮРКО

По своему положению в составе Септуагинты Псалом 151 занимает место своеобразного эпилога всей книги псалмов. Как неканонический, он редко становился предметом внимания библеистов, тем более что на первый взгляд его содержание выглядит бедным и тривиальным. Ситуация несколько изменилась после того, как в Кумране была открыта пространная версия псалма на еврейском языке. Греческий текст стал привлекаться к сравнительному исследованию. Но и сейчас он чаще всего остается в тени кумранского. Данная статья концентрирует внимание именно на версии Септуагинты, лежащей в основе славянского и других принятых в христианстве изводов псалма. Сквозной тематический анализ, отправляющийся от презумпции осмысленности произведения, позволяет во вторую очередь сопоставить его с пространной версией из Кумрана, которая вернее всего может быть истолкована в качестве поэтической интерпретации более ранней краткой версии. Анализ показывает, что в псалме Давид описан не столько как историческая, сколько как архетипическая личность. Этим в достаточной мере объясняется, при наличии вполне определенных магистральных тематических линий, почти полное изъятие эмоциональных «красок», впрочем не лишаящее псалом поэтической напряженности. Герой псалма — силуэт, обладающий признаками грядущего Помазанника. Этот вывод сполна дает оценить значение рассматриваемого текста в истории религиозных идей: через него можно точнее установить, какие признаки Давида из Псалтири, собранные в ее «эпилоге», воспринимались как протомессианские: это безупречная нравственная чистота, неведомость миру, тайная беседа с Богом, обладание властью по природе как модусом прямого действия Божия и готовность к искупительной жертве.

Псалом 151, не употребляющийся в литургической практике, в то же время не исключен из круга «келейных» чтений. Для греческой библейской традиции он, как отмечает один современный специалист, играет роль своеобразного эпилога всей книги псалмов¹. Статус эпилога делает содержание этого текста значимым для нашего понимания восприятия текста Псалтири в целом его древними кодификаторами. Сомнительно, что внесение в такой авторитетный извод, как Септуагинта, одного из множества (известных теперь частью из сирийской

¹ *Schenker A.* Le Psautier à la lumière du Ps 151 // Die Architektur der Wolken. Zyklisierung in der europäischen Lyrik des 19. Jahrhunderts. Bern, 2005. S. 23.

традиции, частью из кумранских рукописей) «неканонических» псалмов могло бы рассматриваться как случайность. Скорее оно говорит о его выдающемся характере по сравнению с другими. В самом деле, по крайней мере одним Пс 151 сразу же привлекает к себе внимание — лаконичностью, даже скупостью выразительных средств и, словно набросок, намеченным сюжетом, в котором эмоциональность, характерная для псалмов как жанра, почти полностью вытеснена сдержанной созерцательностью.

Является ли названная сдержанность всего лишь видом стилистической кучности, как считали многие исследователи псалма, или же она полна глубоко затаенной силы, можно выяснить, лишь поместив псалом в широкий контекст исторически оправданных ассоциаций, которые и порождают его семантику. Как правильно замечает Михаил Сегаль, греческий Пс 151 отличается от более пространной древнееврейской (кумранской) версии собственной, независимой тематической линией². Правда, ее разбор представляется делом несколько более сложным, чем объяснение общего смысла псалма. Примечательно, что до кумранской находки само существование семитского оригинала Пс 151 специалисты, как правило, считали маловероятным³. Февраль 1965 г. стал датой открытия манускрипта, впоследствии названного 11QP^a, в 11-й пещере к северу от Хирбет Кумрана. В 1961 г. свиток, на основании палеографических данных датируемый I в., был развернут археологами. Как выяснилось, одна из наиболее сохранных рукописей Мертвого моря содержала в себе 41 канонический и 7 неканонических псалмов. Из последних четыре, включая фрагмент 51-й главы Премудрости Иисуса сына Сирахова и предполагаемый Пс 151, уже были известны специалистам по своим греческим либо сирийским вариациям, еще три оказались для науки новыми. Честь первой публикации расшифрованных текстов и комментария к ним выпала американскому кумрановеду Джеймсу Сандерсу⁴.

Вскоре после публикации текста псалма из Кумрана ученые разделились на тех, кто отдал ему первенство перед греческим переводом Септуагинты, и тех, кто воспринял его только как доказательство существования оригинала, лежавшего в основе этого перевода, по сравнению с которым кумранский текст представляет собой расширенную версию. Сандерс дал начало первой гипотезе, основным доводом для которой была «невразумительность» греческой версии. Труд редактора или переводчика, по мнению Сандерса, расстроил «красоту и согласованность оригинала... пожертвовав не только изяществом, но и смыслом»⁵. Впрочем, предполагаемому редактору вменяли в вину не только сокращение, но и расширение текста. Дело в том, что история о битве с Голиафом (почти не сохранившаяся) в кумранском свитке имеет собственное заглавие и, таким образом, не входит в состав Пс 151. В связи с этим псалом, известный нам из Септуа-

² *Segal M.* The Literary Development of Psalm 151: A New Look at the Septuagint Version // *Textus*. 2002. Vol. 21. P. 143.

³ *Swete H. B.* An Introduction in the Old Testament in Greek. Peabody, 1989. P. 253.

⁴ *Sanders J. A.* Ps 151 in 11QP^s // *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft*. 1963. Bd. 75. S. 73–86; *Idem.* The Psalms Scroll of Qumran Cave 11 // *Discoveries in the Judean Desert of Jordan*. Oxford, 1965. Vol. 4. P. 54–64.

⁵ *Sanders.* The Psalms Scroll... P. 63.

гинты, стали считать контаминацией двух оригинальных, произведенной «путем механического удаления отдельных фраз и оборотов»⁶.

Другой взгляд на соотношение двух версий псалма разделяется меньшей частью исследователей⁷. Эта группа ученых, компетентность которых также не подлежит сомнению⁸, основывается на признании осмысленности греческого текста самого по себе, что влечет за собой требование рассматривать каждый извод псалма отдельно, прежде чем начинать их сопоставление⁹. Анализ обоих изводов в современной научной литературе, однако, до сих пор представляется незавершенным. В настоящей статье предпринимается попытка разбора, главным образом версии Септуагинты с точки зрения тематического анализа.

Греческий текст

οὗτος ὁ ψαλμὸς ἰδιόγραφος εἰς Δαυὶδ καὶ ἔξωθεν τοῦ ἀριθμοῦ ὅτε ἐμονομάχησεν τῷ Γολιάδ. ¹μικρὸς ἦμην ἐν τοῖς ἀδελφοῖς μου καὶ νεώτερος ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ πατρός μου ἔποιμαινον τὰ πρόβατα τοῦ πατρός μου. ²αἱ χεῖρές μου ἐποίησαν ὄργανον, καὶ οἱ δάκτυλοί μου ἤρμοσαν ψαλτήριον. ³καὶ τίς ἀναγγελεῖ τῷ κυρίῳ μου; αὐτὸς κύριος, αὐτὸς πάντων εἰσακούει. ⁴αὐτὸς ἐξαπέστειλε τὸν ἄγγελον αὐτοῦ καὶ ἤρέ με ἐκ τῶν προβάτων τοῦ πατρός μου καὶ ἔχρισέ με ἐν τῷ ἐλαίῳ τῆς χρίσεως αὐτοῦ. ⁵οἱ ἀδελφοί μου καλοὶ καὶ μεγάλοι, καὶ οὐκ εὐδόκησεν ἐν αὐτοῖς ὁ κύριος. ⁶ἔξῃλθον εἰς συνάντησιν τῷ ἀλλοφύλῳ, καὶ ἐπικατηράσατό με ἐν τοῖς εἰδώλοις αὐτοῦ. ⁷ἐγὼ δέ, σπασάμενος τὴν παρ' αὐτοῦ μάχαιραν, ἀπεκεφάλισα αὐτὸν καὶ ἤρα ὄνειδος ἐξ υἱῶν Ἰσραήλ.

Этот псалом написан Давидом отдельно и вне [общего] числа, когда он совершил единоборство с Голиафом. ¹Малым был я среди братьев моих и младшим в доме отца моего; пас я овец отца моего. ²Руки мои сотворили инструмент, пальцы мои состроили псалтирь. ³И кто возвестит Господу моему? Сам Господь, Сам слышит все. ⁴Сам послал ангела Своего, взял меня от овец отца моего и помазал меня елеем помазания Своего. ⁵Братья мои красивы и велики, но не о них благоволил Господь. ⁶Вышел я навстречу иноплеменнику, и он проклял меня идолами своими. ⁷Я же, извлеки меч у него, обезглавил его и отнял позор от сынов Израилевых.

⁶ Шифман И. Ш. Псалом 151: Опыт текстологического исследования // Письменные памятники Востока. Ежегодник (1978–1979). М., 1987. С. 147–148.

⁷ Dimant D. David's Youth in the Qumran Context // Eadem. History, Ideology and Bible Interpretation in the Dead Sea Scrolls. Tübingen, 2014. P. 473.

⁸ Fernández-Markos N. David the Adolescent: On Psalm 151 // The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma. Sheffield, 2001. P. 205–217; Haran M. The Two Text-Forms of Psalm 151 // Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Periods. 1988. Vol. 39. P. 171–182; Segal M. The Literary Development of Psalm 151: A New Look at the Septuagint Version // Textus. 2002. Vol. 21. P. 139–158; Talmon S. Extra-Canonical Hebrew Psalms from Qumran — Psalm 151 // The World of Qumran from Within: Collected Studies. Jerusalem, 1989. P. 244–272.

⁹ Segal. Op. cit. P. 140.

Первой задачей анализа приведенного текста будет определение *тем*, составляющих основу структуры псалма. Они должны являться сквозными для Ветхого Завета вообще: в ином случае нельзя быть уверенным, что перед нами тема, а не случайный сюжет. Разумеется, теоретически возможно рассмотрение темы в рамках только данного поэтического произведения, когда она задана его жанром или структурой, но это чаще всего задача литературоведческая; религиозоведческой она становится только в том случае, когда эта тема либо является сквозной для всего массива родственных религиозных текстов, либо несет в себе новые для этого массива идеи. Разработка подобных линий в каждом конкретном тексте помогает углубить наше знание об их семействе в целом; она есть вторая задача исследования. Третья задача — выводы о характере всего текста псалма, его положении в координатах библейского событийного ряда. Итак, построение чтения псалма раскрывает одну за другой темы авторства Давида, единоборства, юности, музыки, безвестности, веры, избранничества, помазания и искупления. Последнее — в значении древнееврейского слова *gaāl*, означающего снятие с другого (чаще всего родственника) его долговых обязательств, перевод их на себя, либо мщение за него его врагам, в связи с чем Господь иногда называется в Библии *goēl* (избавитель, мститель). В дальнейшем, однако, мы увидим, что искупление в псалме увязано с метафорикой жертвы.

Сразу стоит оговориться, что некоторые из указанных лейтмотивов могут быть слиты воедино для удобства интерпретации: юность и безвестность обычно связаны в биографиях ветхозаветных лиц; единоборство, упомянутое в заглавии псалма, в его конце становится жестом искупления; вера в Бога противопоставляется вере в идолов и составляет нерв борьбы евреев против иноплеменников; избранничество выражает себя в акте помазания.

а) Давидово авторство

Слово ἰδιόγραφος (самописанный), кроме надписания этого псалма, в Библии больше нигде не встречается. Некоторые ученые понимают его в смысле автографа¹⁰, опираясь на значение термина в словаре Лиддела—Скотта, который сам, однако, в свою очередь ссылается на Пс 151 при введении другого значения: «specially or separately written». Оба понимания имеют опору в традиции: армянский, эфиопский и один из коптских переводов¹¹ подчеркивают, что псалом «писан самим Давидом», тогда как латинский, славянский и сирийский¹² утверждают, что Давид написал его «отдельно». Мне представляется более оправданным второе, так как авторство Давида означено уже словами εἰς Δαυὶδ, прибавление к которым слова ἰδιόγραφος было бы избыточным и только ставило бы под сомнение статус копии, которая заведомо не может быть автографом. Сомнительно также, что переписчики пытались поднять доверие читателя к тексту простым удвоением данных об авторстве Давида. Скорее то что псалом «писан особо», разъясняет его положение «вне числа», именно это псалом, созданный в тот пе-

¹⁰ Muraoka T. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvaine, 2009. P. 336.

¹¹ Psalterium copticum: ad codicum fidem recensuit lectionis varietatem et psalmos apocryphos Sahidica dialecto conscriptos ac primum a Woidio editos / I. L. Ideler, ad. B., 1837. P. 239.

¹² Psalterium Syriace. L., 1822. P. 249.

реломный для судьбы Давида момент, когда он вышел победителем из поединка с Голиафом.

В самом деле, Пс 151 описывает жизнь Давида строго до этого момента, то есть его предысторию, относящуюся к тому времени, когда он еще никому не известен. В этой поэме практически нет мотивов, обычных для Псалтири, передающей «все состояния души человеческой»¹³, — хвалы, сетования, изъявления радости, а также поучений, размышлений, призывов и прочего. Читателю, знакомому с жанрами книги, должна быть заметна необычная сдержанность псалма, клонящаяся к строгой объективности его выразительного языка. Пусть и от первого лица, Давид описан как бы со стороны, из положения вне времени. В связи с этим, хотя слово *ἰδιόγραφος* и не означает автографа, сам факт, что автором псалма считался Давид, как и помещение текста «вне числа», приобретает большую значимость.

Пс 151, будучи действительно эпилогом всей греческой Псалтири, по смыслу как содержания, так и надписания своего выступает ее прологом. Он как бы заключает в себе квинтэссенцию всех псалмов, которой является архетипический образ Давида. Но это вовсе не многогранный исторический портрет из тех, что дают книги Царств и Паралипоменон. Давид, который еще не совершил грехопадения с женой Урии, не назван губителем (1 Цар 25. 17) и творцом кровопролитий (1 Пар 22. 8), не пережил семейной трагедии с Амноном и Авессаломом, представляет из себя чистый, отрочески непорочный образ. Место подобного самоописания вне нормативного собрания псалмов можно считать почетным: этот псалом скорее выделен в Септуагинте, чем затерян в ней.

б) Юность и безвестность

Перейдем теперь к качественному описанию героя псалма, которое начинается со слов «малым был я среди братьев моих».

Победа младшего — известный фольклорный мотив в мировой литературе¹⁴. Обычно младший беднее и слабее старших, но ему сопутствуют смекалка и удача. Так он делается олицетворением прихотливости судьбы, неся на себе печать избранничества иным образом, нежели старший брат, отмеченный ею по факту рождения. В Библии, однако, этот мотив не имеет фольклорных черт: соперничество Авеля с Каином отличает чисто нравственный, трагический характер, причем Авель погибает, оставляя свое благословение третьему брату, Сифу (Быт 4. 25). За ними следует череда других пар с различной судьбой: Иаков и Исав, Фарес и Зара, Иосиф и братья, Моисей и Аарон, Илий и Самуил, Давид и Саул, Аммон и Соломон; получение первородства Иудой и переход власти над Израилем из Силома в Иерусалим (Пс 77. 67–68) следует рассматривать в той же парадигме. Предание эпохи плена добавляет к ним целый ряд героев, юность которых противопоставляет их старшим или как победителей, или как опору: это Есфирь, Иудифь, Товит, Сусанна и молодой Даниил.

¹³ *Athanasius Alexandriae. Epistula ad Marcellinum de interpretatione Psalmorum // PG 27. Col. 41.*

¹⁴ *Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М., 2005. С. 56.*

Сам Давид характеризуется в псалмах не только как юноша, но и как преуспевший в благочестии не по годам: «Я стал мудрее всех своих учителей, ведь Твои предписания — у меня на устах. Я стал мудрее старцев, потому что храню повеления Твои» (Пс 118. 99–100)¹⁵. В Притчах премудрость называется «красой юношей» (Прит 20. 29). У Екклесиаста один фрагмент в пророческом стиле, отчасти перекликающийся с историей Иосифа Прекрасного, гласит: «Благ отрок нищий и мудрый более царя старого и безумного... Из дома узников изыдет он царствовать, ибо в собственном царстве он родился нищим» (Екк 4. 13–14). В конце истории Сусанны, молодой женщины, оклеветанной домогавшимися ее старцами и спасенной от неправого суда юношей Даниилом, текст LXX сохранил приписку: «Итак, юные (οἱ νεότεροι) суть возлюбленные Иакова в простоте своей. И нам следует соблюдать юных, да станут сынами сильными, ибо юные окажутся благочестивы, и пребудет в них дух ведения и разума во веки веков».

Последнее рассуждение можно рассматривать как переход мотива юности, который в Библии составляет постоянную антитезу мотиву первородства, зрелой мудрости, старости, образованности, из исторической перспективы в эсхатологическую. Очевидно, что под «юными» здесь подразумеваются не младшие члены семей, но целое поколение, которое должно было, согласно пророческим обетованиям, возвратиться из плена в землю Израиля, чтобы больше уже не совершать проступков, повлекших за собой позор плена. Это поколение многократно называется в разных текстах «остатком» и противопоставляется поколениям греха. «Остаток» представляет собой также тот «корень», из которого снова должно «произрасти» царство Давида¹⁶.

Такой же двойственный характер имеет безвестность. Как нормальное положение молодого героя, она служит отправным пунктом его истории. Давид не только не обладает славой по праву рождения, но у него нет никого, кто поведал бы о нем царю. Что слова תִּי יְהוָה מִן הַיָּמִים μου первоначально должны были относиться к царю, заметил Сегаль, он справедливо указывает на то, что в Септуагинте они обычно служат переводом термина *adoni* (господин мой), и только в звательном падеже — имени *adonāi* (Господи мой)¹⁷. Кроме того, хотя идея о возвещении чего-либо Господу в библейском языке не совсем абсурдна, и даже терминологически подобное место в масоретском чтении Иов 37. 20 перекликается с 11QPs^a, — в обоих случаях употреблен глагол סָפַר — все же контексты сильно различаются.

Отсюда, по мнению Сегалья, Пс 151 выражает одну-единственную истину: «различие между человеческим и Божественным господином... Яхве слышит Давида, Ему не нужно возвещать ничего»¹⁸. Такой взгляд, однако, представляется зауженным, о чем еще будет сказано. Со временем, по крайней мере в христианскую эру, תִּי יְהוָה מִן הַיָּמִים μου стали относить к Богу, поскольку этому способствовало

¹⁵ Цитирую в переводе РБО, соответствующем интерпретации этих стихов по Септуагинте.

¹⁶ См.: Вевюрко И. С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М., 2013. С. 816.

¹⁷ Segal. Op. cit. P. 149–150.

¹⁸ Ibid. P. 153.

как апостольское словоупотребление, так и чтение Пс 109. 1 в свете Нового Завета. Нельзя не учесть и того, что привычный к многозначности слух древнего читателя мог улавливать оба значения, относящиеся к земной и небесной славе Давида.

Этот стих откликается на эпизод 1 Цар 16, когда «подводил Иисей к Самуилу семерых сыновей своих», кроме Давида, о котором он вспомнил после того, как пророк спросил его, все ли это дети: «Есть еще меньший, он пасет овец». Безвестность Давида служит причиной обращенного на него непосредственно действия Божия; она также, в некотором отношении, становится первой формой этого действия, так как Бог «поднимает от земли нищего» (1 Цар 2. 8). Несомненно, это перекликается с мотивами сокрытости Мессии в позднеантичных и средневековых источниках.

в) Музыка

Сегаль обращает внимание на родство нашей поэмы и Пс 143¹⁹. Последний озаглавлен τῷ Δαυὶδ πρὸς τὸν Γολιάθ и начинается словами: «Благословен Господь, Бог мой, обучающий руки мои для сражения, персты мои для битвы». При очевидном сходстве тематики псалмов и описаний уместности Давида в них, в одном речь идет об искусстве войны, а в другом — о музыкальных инструментах. Здесь нет ни слова о небезызвестной библейскому миру боевой музыке с ее специфическим эмоциональным воздействием. Напротив, для Пс 151 важен переход от мирных занятий прямо к подвигу. Согласно повествованию 1 Цар, когда юный Давид вышел на бой с Голиафом, он еще оставался верен своему образу жизни пастуха и в качестве оружия использовал пращу, которой владел виртуозно. Только эта виртуозность и могла бы собрать в один мощный образ руки, пальцы, пращу и струны: Давид убивает Голиафа изящно, как подобает музыканту. Вдохновение ведет его и как певца, и как пастуха, и — в будущем — как царя.

Скупой язык Пс 151, заставляющий обращать внимание на все наличествующие в нем связи, не дает пройти мимо еще одной параллели: Давид «настраивает» свой инструмент, а Господь «слышит». Эта параллель становится особенно весомой в свете той роли, которую музыка приобрела в установленной Давидом практике богослужения (1 Пар 15. 16). Вообще связь между музыкой и религиозным вдохновением в Библии утверждается неоднократно. Игра на музыкальных инструментах использовалась для прорицания (1 Пар 25. 1, 4 Цар 3. 15). По крайней мере в одной значимой рукописи, Ватиканском кодексе, запечатлено предание о 230 мальчиках-запевалах (ἄρχοντες παιδάρια τῶν χορῶν), почти без оружия прогнавших от города огромное сирийское войско (3 Цар 20. 12–21)²⁰. Хотя происхождение этого эпизода можно считать случайным, — кто-то из переписчиков спутал χῶρος и χορός, потом соответственно возникшему смыслу был скорректирован порядок слов, — случай говорит здесь об органичности воспри-

¹⁹ Segal. Op. cit. P. 146.

²⁰ См.: Schenker A. Junge Garden oder akrobatische Tänzer? // The Earliest Text of the Hebrew Bible / A. Schenker, ed. Atlanta, 2003. P. 27–29.

ятия традицией связи между музыкальностью и победой над превосходящими силами противника.

В Пс 151 мы видим, как эта связь опосредуется: Давида-музыканта слышит Бог, берет его и помазывает, чтобы посредством его сокрушить надменного врага израильтян. Так игра на псалтири, неслышная окружающим, — может быть, инструментом здесь и вовсе является сердце, — наделяется чертами сокровенной беседы к Богу, что есть свойство избранничества.

г) Избранничество и помазание

Термин «елей помазания» употребляется обычно при описании помазания священника (Исх 29. 7). Приложение этого строго ритуального символа из Пятикнижия к Давиду придает псалму выраженный мессианский смысл, особенно в свете Септуагинты, не разделяющей образ Мессии, как это делают, например, кумранские источники, соответственно священству и царству²¹. Избрание осуществляется сперва как слышание, а значит, Давид изображен уже обращенным к Богу, в отличие от Саула, который не имел ничего общего с пророками до своего помазания (1 Цар 10. 11) и был избран скорее зрением, чем слухом, так как обладал выдающейся внешностью (1 Цар 9. 2).

Безвестность Давида, согласно Пс 151, предстает не просто буколическим эпизодом, но некой духовной тайной: «Господь Сам все слышит». Многие комментаторы обращают внимание на то, что псалом не называет по имени пророка и священника Самуила, говоря, что к Давиду был послан ангел (букв. посланник). В этой маленькой детали усматривают выражение полемики против иерусалимского священства²². Но едва ли умолчание на фоне общего лаконизма поэмы могло играть подобную роль: мало кто из читателей уловил бы столь замысловатый полемический тон. Псалом не отрицает исторической роли Самуила, так как «посланником» вполне может быть и пророк. Но, заставляя обезличенного посредника уйти в тень, от оттеняет фигуру Давида, стоящего перед Богом.

д) Вера, единоборство, искупление

Единоборство Давида и Голиафа предстает не только как чудо — непобедимый воин убит собственным мечом, — но и как противостояние двух религий: Господа, «слышащего все», и глухих истуканов. Последние (в отличие от 1 Цар 17. 43) не называются здесь θεοί, т. е. больше акцентируется различие между Живым и бездушными, проклятие именем которых — только лишь суетное злословие. Это проклятие, упоминаемое в псалме, по книге Царств было третьей частью словесного поединка с Голиафом, унижившим (ἐξῆτιμάζω) Давида за его юный возраст, а до того поносившим весь израильский стан. В таком контексте слова «я отнял позор от сынов Израилевых», которыми завершается псалом, наделяны двойным смыслом. Они воспроизводят обещание Давида: ἀφελῶ σήμερον ὄνειδος ἐξ Ἰσραήλ (1 Цар 17. 36), но с другим глаголом, а именно тем же самым, которым названо «взятие» самого Давида от стад его отца — αἴρω (поднять, взять

²¹ Вевюрко. Цит. соч. С. 763–789.

²² Ср.: Шифман. Цит. соч. С. 154.

на себя, снять), соответствующим еврейскому קָרָא . А это не только создает параллель, но и углубляет смысл события: претерпевший словесные оскорбления Давид не просто «снял» поношение с Израиля, а «поднял» его. Ради этого сам он был «поднят», взят или отделен «от стада», как будто речь идет об искупительной жертве.

Проведенный тематический анализ позволяет вынести некоторые суждения о тексте в целом. Очевидно, что Давид описывается как архетипическая личность. Это в достаточной мере объясняет почти полное изъятие эмоциональных «красок», впрочем не лишаящее псалом выразительности. Поскольку он производит обманчивое впечатление простого и скудного, недостаточно подробный разбор ключевых тем в их взаимоотношениях чреват герменевтическим упрощением. Пристального внимания, в том числе во избежание необоснованной датировки, заслуживает связь псалма с началом истории Давида в 1-й кн. Царств (1-й кн. Самуила в еврейском тексте). И. Ш. Шифман, сторонник приоритета 11QPs^a, полагал, что «в результате сокращений из псалма 151 почти полностью исчезли черты, характеризующие Давида как благочестивца, из-за чего его избранничество оказывается плохо мотивированным»²³. Но этот аргумент представляется слабым, так как в самом деле «плохая», неочевидная мотивированность и есть главная черта сюжета об избрании Давида в книге Царств. По мнению Н. Фернандес-Маркос, псалом перекликается с апокрифом I в. «Библейские древности», где описание Давида «сделано явной аллюзией на историю Иосифа Прекрасного»²⁴. Но эти аллюзии наличествуют уже в 1 Цар 17. 28, представляющем собой, таким образом, общий контекст для обоих произведений.

Еще одно основание для датировки псалма Фернандес усматривает в его мессианском содержании. Согласно этому взгляду, прославляющий воинскую доблесть молодого Давида текст отражает «патриотическую реакцию», которая «продолжалась под властью Хасмонеев и целью которой было восстановление царства Давида во всей полноте: поединок Давида с Голиафом представлял собой идеальную основу для ярких мессианских ожиданий, способных адаптироваться к разным историческим и социальным обстоятельствам»²⁵. Это рассуждение типично для того случая, когда исследователь чувствует себя обязанным найти за текстом некий политический интерес, чтобы таким образом «объяснить» его. Но ничего специфически хасмонейского в этом псалме нет, как нет и «яркости» мессианского образа, в особенности воинского — напротив, он приобретает монументальность скорее за счет своей блеклости. Описание борьбы, в отличие от множества других псалмов, не составляет нерва в этом тексте — оно лишь завершает его, исподволь давая оценить скрытую силу героя.

Гармоничность этой концовки была поставлена под сомнение одним из апологетов аутентичности Пс 151 LXX. При реконструкции его еврейского прототипа Сегаль увидел в стт. 1–5 строгий хиазм и счел стт. 6–7 позднейшим прибавлением к нему. При этом ученый апеллировал к 11QPs^a, где, как уже отмечалось, эти тексты действительно разделены. По его мнению, единственной

²³ Шифман. Цит. соч. С. 148–149.

²⁴ Fernández-Markos. Op. cit. P. 210–211.

²⁵ Ibid. P. 216.

темой псалма является различие человеческого и Божественного господства²⁶. Его аргументация, однако, представляется шаткой. Хиазм вовсе не обязан быть изолированным: он обычно появляется, как водоворот на реке, в той или иной части текста, чтобы снова исчезнуть. Свести же тему псалма к одному и простому смыслу, вроде темы для воскресной проповеди, — значит не заметить его поэтической созерцательности. Наконец, Сегаль игнорирует связь ст. 4 и 7, обусловленную употреблением глагола אָרַו.

На самом деле между Давидом, скромным пастухом, и Давидом, победителем Голиафа, в тексте Пс 151 нет разрыва. Псалом проникнут смирением: слова о превосходстве братьев, отражающие рассказ из книги Царств, не ироничны. Давид неярк сам по себе. Его игра, никому неведомая, кроме Бога, помазание и бесстрашный выход на бой составляют звенья одной цепи, которая достигает кульминации в обрушенном на него проклятии, за чем следует финал — победа, и больше ничего. Здесь нет пращи, так что единственным оружием остается собственный меч из ножен Голиафа, которым он обезглавлен: мотив, узнаваемый по книге Иудифь, полной мессианских коннотаций²⁷. Незримая связь между ловкостью музыканта и пращника уступает иной, символической, связи между вдохновением и чудом.

Древние переводы

За исключением сирийской версии, некоторые особенности которой позволяют предположить, что ее создатель имел перед глазами еврейский прототип LXX²⁸, все античные и средневековые переводы Пс 151 сделаны с греческого. Эти тексты являются ранними свидетелями традиции понимания псалма.

Согласно сирийскому надписанию, Давид произнес этот псалом сразу после победы над Голиафом (ܡܝܬܟ ܐܘܠܘܢ ܕܥܘܠܝܐ ܕܥܘܠܝܐ ܕܥܘܠܝܐ), которая стала для него предзнаменованием будущей славы. Эта подробность придает псалму характер глубоко личного исповедания, так как сам Давид в нем переживает и свое тайное помазание на царство, и предназначение в будущем явиться спасителем всего народа, о чем еще не знают окружающие.

В армянской версии в надписании добавлены слова «перед Саулом», что подтверждает мнение Сегаль о древнем толковании слов τῷ κυρίῳ μου. Здесь же ψαλτήριον переведено как «дело хваления», т. е. раскрыт духовный смысл творчества героя. Перевод противопоставляет Давида его братьям как представителям знати (μεγάλαι прочитано в значении «вельможные»), тем самым акцентируя еще один мессианский мотив: Помазанник приходит после утраты надежд, возлагаемых народом на князей²⁹.

Псалом на гезз показывает вероятные линии расширения текста. Все они относятся к толкующим прибавлениям и вариациям. Так, ὄργανον объяснен здесь через masanko, эфиопский струнный инструмент, а ψαλτήριον понят как

²⁶ Segal. Op. cit. P. 153.

²⁷ См.: Вевюрко. Цит. соч. С. 344.

²⁸ Аржанов Ю. Н. Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы. СПб., 2011. С. 28; Шифман. Цит. соч. С. 149.

²⁹ См.: Вевюрко. Цит. соч. С. 822–823.

«псалом», само произведение. В ст. 3 расширено «услышит *меня*», а в ст. 4 добавлено: «послал ангела Своего *и спас меня*», т. е. «дал мне победу». В ст. 7 упомянуты камни, которыми убит Голиаф, и пояснено, что меч был вынут «из риз его».

Коптский вариант содержит важные чтения в ст. 3: «Кто может возвестить моего Господа? Сам Господь, сам слышит каждого, *заповедующий мне, отроку Своему*», — явный признак традиции духовного понимания псалма.

Еврейский текст

Итак, мы имеем два базовых варианта Пс 151. Поэтика псалма из Кумрана выдержана, как отмечают специалисты, в соответствии с нормами кумранской общины, а его словарный состав выходит за рамки обычного для нее³⁰. Лингвистические особенности вынуждают исследователей датировать сочинение псалма на растянутой шкале между персидским и эллинистическим временем, тем самым признавая его законченную форму результатом развития, а не единого творческого акта³¹. Следует отметить, что в изводе Септуагинты все нетипичные для перевода с библейского иврита элементы отсутствуют³².

Если, рассматривая греческий псалом как сокращение кумранского, за ним обычно не признают вразумительного смысла, то попытаться понять, наоборот, кумранскую редакцию как расширение прототипа греческого текста — значит рассмотреть этот смысл в его развитии. Цель этого расширения, как видно из некоторых примеров, могла состоять в создании своего рода комментария: таким был древнейший метод библейской интерпретации³³.

В печатных публикациях 11QPs^a 151 имеются разногласия из-за сходного начертания букв *yod* (י) и *waw* (ו) у кумранитов. Когда установить букву орфографически невозможно, ставят подходящую в зависимости от понимания данного стиха. Так вынужден поступить и я.

הללויה לדוד בן ישי קטן הייתי מלאחי וצעיר בבני אבי וישימני רועה לצונו ומושל בגדיותי ידי עשו עוגב ואצבעותי כנור ואשימה ליהוה כבוד אמרתי אני בנפשי ההרים לוא יעידו לי והגבעות לוא יגידו עלו העצים את דברי והצואן את מעשי כי מי יגיד ומי ידבר ומי יספר את מעשי אדון הכול ראה אלוה הכול הוא שמע והוא האזין שלה נביאו למושחני את שמואל לגדלני יצאו אחי לקראתו יפי התור ויפי המראה חגבהים בקומתם היפים בשערם לוא בחר יהוה אלוהים במ וישלה ויקחני מאחר הצואן וימשחני בשמן הקודש וישימני נגיד לעמו וימשיך בברייתו

תהלת גבורה לדוד משמשחו נביא אלוהים אזי ראיתי פלשתי מחרף ממ[ערכות פלשתיים] אנוכי [...] את

Аллилуйя. Давида, сына Иессея. Меньшим был я из братьев моих и младшим среди сыновей отца моего. И он поставил меня пастырем стада своего, владыкой козочек своих. Руки мои сотворили свирель, пальцы мои цитру. И воздал я Господу славу. Сказал я в душе моей: горы не свидетельствуют мне, и холмы не возвещают. Взяли деревья слово мое, стадо — деяния мои. Ибо кто поведает, и кто выскажет, и кто испишет деяния мои? Господь все видит, Бог — Он все слышит, и Он внемлет. Послал пророка Своего пома-

³⁰ Шифман. Цит. соч. С. 146–147.

³¹ Storfjel J. B. The Chiastic Structure of Psalm 151 // Andrews University Seminary Studies. 1987. Vol. 25. P. 103, 106.

³² Haran. Op. cit. P. 172–177.

³³ Кугел Дж. В доме Потифара: Библейский текст и его перевоплощение. М., 2010. С. 19.

зять меня, Самуила возвеличить меня. Вышли братья мои навстречу ему, красивые станом и красивые видом. Высоки они ростом, красивы они волосами. Не избрал их Господь Бог. Но послал и взял меня от стада, и помазал меня елеем святым, и поставил меня князем народа Своего, владыкой сынов Завета Своего.

Начало подвигов Давида, после того как помазал его пророк Божий. Тогда увидел я филистимлянина, поносящего из о[полчений филистимских]. Я ...

Прежде всего бросается в глаза, что часть этого псалма, текстуально совпадающая с греческой версией, дает опору ее мессианскому прочтению. Как отмечает Сегаль³⁴, параллель קָרַן וְצִיָּוֶה взята из пророчества Исаии: «От малого (הַקָּרָן) произойдет тысяча, и от самого слабого (הַצִּיָּוֶה) — сильный народ» (Ис 60. 22). Это эсхатологическая параллель, которая персонифицируется в герое псалма. Еще более ясную аллюзию представляет найденная тем же исследователем³⁵ связь между צִיָּוֶה וְמוֹשֵׁל, которая роднит псалом с одним из самых известных ветхозаветных пророчеств: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал (צִיָּוֶה) ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою (מוֹשֵׁל) в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих 5. 2).

Хотя стиль псалма и «стремится к благородной простоте»³⁶, все же по этой части он уступает греческому варианту. Рассмотрим, какую смысловую нагрузку несут расширения. По мнению Сегалья, в первом из двух кумранских отрывков мессианский образ Давида — пастуха, тайно помазанного через ангела предпочтительно перед братьями, превращен в образ вдохновенного певца, возвышенного Богом на царский престол³⁷. О втором отрывке, как почти не сохранившемся, сказать практически нечего. Но можно предположить, что в действительности он был развит из концовки первоначальной версии в самостоятельное произведение. В таком случае избрание Давида и его выход на битву развиты в два разных полноценных сюжета, но до нас дошла только первая экстраполяция.

Как уже отмечалось, нельзя отказывать герою Пс 151 LXX в характере вдохновенного певца, хотя бы уже потому, что сам этот псалом, будучи духовной поэмой, представляет его своим автором. С широким библейским контекстом он связан тонкими ассоциациями, теми, которые ведут от Ветхого Завета к Новому. Кумранский псалом богаче явными аллюзиями. Он окаймляется параллелью «пастырь-владыка» и «князь-владыка», с одинаковым глаголом при них, тем самым показывая, что за «отцом», дающим Давиду первое поручение в начале, можно сразу видеть Бога. Смысл музыкального творчества здесь недвусмысленно разъяснен. Громадный силуэт личности героя псалма, небывалость его свершений описывается целым апофатическим периодом на месте лаконичного «Кто возвестит Господу моему?».

Слова «взяли (עָלוּ) дерева слово мое» — интерпретация Сандерса, который видел в этой фразе свидетельство влияний орфизма³⁸. Он полагал также, что по-

³⁴ Segal. Op. cit. P. 147.

³⁵ Ibid. P. 156.

³⁶ Шифман. Цит. соч. С. 146.

³⁷ Segal. Op. cit. P. 155.

³⁸ Sanders. Op. cit. S. 75, 81–85.

эма в версии LXX была сокращена ради устранения параллелей с Орфеем, вдохновенное пение которого тоже слушали деревья. Большинство авторов, критиковавших эту гипотезу, вместо לָעָז читали לָלֵךְ, относя это слово к предыдущему колону, хотя с точки зрения поэтической структуры вариант Сандерса предпочтительнее³⁹. Мне он кажется наиболее вероятным, но не в связи с орфизмом. Это выражение создает параллель с речью еще одного протомессианского лица — Сейлы, дочери Иеффая, в «Библейских древностях» (наличие других связей с этим произведением отмечал Фернандес-Маркос). Дева, которую отец должен принести в жертву (см. Суд 11. 34–40), сетует по своей юности в таких словах: «И оплачут меня деревья поля, и воспещут обо мне звери полевые... Внимайте, горы, моей жалобе, взирайте, холмы... и будьте свидетелями, камни... Пусть взойдут слова мои на небо... Не насладилась душа моя елеем помазания, приготовленным для меня (oleo unctionis quod preparatum est mihi)... Склоните, деревья, свои ветви, оплачьте юность мою» (Liber Antiquitatum Biblicarum XL. 3–7).

Параллели образности этого текста и кумранского псалма очевидны. Здесь мы имеем героя, которого переполняет чувство, недоступное пониманию людей, и он обращается к природе, чтобы его выразить. Деревья, шумящие от ветра, так отзываются в душе, волнуемой духом, что могут выражать присутствие Бога — это видно из одного эпизода с Давидом, которому подал сигнал к битве «шум как бы идущего по вершинам тутовых деревьев» (ср. 2 Цар 5. 23–24). Поэтому выражение «взяли деревья слово мое» вполне органично для традиции, живописующей избранничество Давида.

Выводя далее фигуру Самуила, автор кумранского текста, вероятно, хочет указать на правильный порядок выбора Царя-Мессии, который должен совершиться через достойного священнослужителя: таковы были воззрения кумранитов. Братья Давида внешне напоминают двух главных соперников его жизни, отличавшихся ростом и красотой, — Саула и Авессалома. Тем самым подчеркивается противопоставление грядущего Царя обманчивому великолепию земных правителей, также актуальное для общины Мертвого моря. Наименование «Сыны Завета» как признак авторства члена Кумранской общины отмечают почти все исследователи.

Итак, есть все основания полагать, что еврейский вариант псалма дошел до нас в виде творческой разработки более древнего текста, лежавшего в основе греческой версии. Образ Помазанника, таинственно намеченный скупым языком ранней поэмы, здесь был развернут в эсхатологический портрет царя, которого благословляет первосвященник. Военские подвиги выделены в отдельный текст. Возможно, этот второй псалом должен был описать на таком же символическом уровне будущие победы Мессии, которым посвящен кумранский «Свиток войны». В результате развития нарушилось единство первоначального текста, пронизанного мотивом искупления; выразительность псалма утратила темп сосредоточенной тишины.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, Септуагинта, Псалтирь, псалом 151, Кумран, Давид, Мессия.

³⁹ *Storffjel*. Op. cit. P. 100.

PSALM 151 OF THE SEPTUAGINT: A SUBJECT ANALYSIS

I. VEVIURKO

By its location in the Septuagint canon, Psalm 151 takes up a place of a certain epilogue of the whole Psalter. Due to its isolation in the Greek text and non-canonicity from the masoretic point of view, as well as to its apparent simplicity and triviality, the Psalm was not often attracting attention of the biblical scholars. Only after discovering of a longer Hebrew version of the Psalm in Qumran the situation began to change. Now the Greek Ps 151 has being engaged into comparative study, but generally remaining in the shadow of the Qumran text. This article deals principally with Septuagint version of the Psalm, that underlies the Slavonic and others recensions adopted in the Christian tradition. A through thematical analysis, beginning with the presumption of the texts meaningfulness, will allow then to compare it with the longer Qumran version, the latter to be found poetical interpretation of the former. The analysis reveals David of the Ps 151 to be very much archetypical than historical personality. This is enough to explain the almost complete withdrawal of the emotional «colours», though not depriving the Psalm of its poetical expressiveness. The hero of Ps 151 is a silhouette with some traits of the Anointed One that cometh. This conclusion leads us to the proper estimation of the significance of the Psalm in the history of religious ideas: by the examination of this text we can determine more exactly, what kind of characteristics of the Psalters David collected in its 'epilogue' were perceived by the readers as protomessianic: the stainless moral purity, the unfamiliarity to the world, the mysterious conversation with God, the natural possession of power as a mode of the direct divine activity, and the readiness to become a ransom for the people.

Keywords: Bible, Old Testament, Septuagint, Psalter, Psalm 151, Qumran, David, Messiah.

Список литературы

1. *Аржанов Ю. Н.* Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы. СПб., 2011.
2. *Вевюрко И. С.* Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М., 2013.
3. *Кугел Дж.* В доме Потифара. Библейский текст и его перевоплощение. М., 2010.
4. *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М., 2005.
5. *Шифман И. Ш.* Псалом 151 (опыт текстологического исследования) // Письменные памятники Востока. Ежегодник (1978–1979). М., 1987. С. 146–155.
6. *Athanasius Alexandriae.* Epistula ad Marcellinum de interpretatione Psalmorum // PG 27. Col. 11–46.
7. *Dimant D.* David's Youth in the Qumran Context // Dimant D. History, Ideology and Bible Interpretation in the Dead Sea Scrolls. Tübingen, 2014. P. 473–487.
8. *Fernández-Markos N.* David the Adolescent: On Psalm 151 // The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma. Sheffield, 2001. P. 205–217.

9. *Haran M.* The Two Text-Forms of Psalm 151 // *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Periods.* 1988. Vol. 39. P. 171–182.
10. *Jacobson H.* A Commentary on Pseudo-Philo's *Liber Antiquitatum Biblicarum*, with Latin Text and English Translation. Leiden, 1996. Vol. 1–2.
11. *Muraoka T.* A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Louvaine, 2009.
12. *Psalterium copticum: ad codicum fidem recensuit lectionis varietatem et psalmos apocryphos Sahidica dialecto conscriptos ac primum a Woidio editos / I. L. Ideler, ed. B., 1837.*
13. *Psalterium Syriace.* L., 1822.
14. *Sanders J. A.* Ps 151 in 11QPss // *Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft.* 1963. Bd. 75. S. 73–86.
15. *Sanders J. A.* The Psalms Scroll of Qumran Cave 11 // *Discoveries in the Judean Desert of Jordan.* Oxford, 1965. Vol. 4. P. 54–64.
16. *Segal M.* The Literary Development of Psalm 151: A New Look at the Septuagint Version // *Textus.* 2002. Vol. 21. P. 139–158.
17. *Schenker A.* Junge Garden oder akrobatische Tänzer? // *The Earliest Text of the Hebrew Bible / A. Schenker, ed. Atlanta, 2003. P. 17–34.*
18. *Schenker A.* Le Psautier à la lumière du Ps 151 // *Die Architektur der Wolken. Zyklisierung in der europäischen Lyrik des 19. Jahrhunderts.* Bern, 2005. S. 21–27.
19. *Storffjel J. B.* The Chiasmic Structure of Psalm 151 // *Andrews University Seminary Studies.* 1987. Vol. 25. P. 97–106.
20. *Swete H. B.* An Introduction in the Old Testament in Greek. Peabody, 1989.
21. *Talmon S.* Extra-Canonical Hebrew Psalms from Qumran — Psalm 151 // *The World of Qumran from Within: Collected Studies.* Jerusalem, 1989. P. 244–272.